

Капралов Евгений Зотикович

**Легенда о "Великом
Инквизиторе" Ф.М.
Достоевского и ее
религиозно-исторический
смысл**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Зотикович К.**
Легенда о "Великом Инквизиторе" Ф.М. Достоевского и ее религиозно-исторический смысл / Капралов Евгений Зотикович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 43 с.

ISBN 978-5-519-88111-1

ISBN 978-5-519-88111-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ нихъ въ концѣ своей литературной дѣятельности Достоевскій перешелъ въ частности къ темѣ о христіанствѣ и его философіи. Изъ его писемъ извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ задумалъ написать громадный романъ размѣромъ въ „Войну и Миръ“ Л. Толстого и тамъ разрѣшить вопросъ о грѣшникѣ и Христѣ, точнѣе—о побѣдѣ во Христѣ и черезъ Христа соблазновъ теоретическаго невѣрія и развращенной совѣсти. Исполнить задуманнаго ему не удалось. Отъ всего его замысла мы имѣемъ знаменитую хронику-романъ „Братья Карамазовы“. Но въ этомъ романѣ есть замѣчательная глава всего въ 15—16 страницъ, „фантастическая легенда“, озаглавленная „Великій Инквизиторъ“,—въ которой Достоевскій и сказалъ свое, тщательно выношенное въ сердцѣ и головѣ, слово о Христѣ и о борьбѣ съ Нимъ и Его дѣломъ соблазненнаго зломъ чловѣка.

Краткое истолкованіе этой легенды и имѣется въ виду настоящимъ очеркомъ. Дѣлать полный комментарий легендѣ—внѣ рамокъ небольшого доклада. Я останавливаю свое вниманіе только на главныхъ моментахъ легенды, чтобы показать, что знаменія нашего времени до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ въ своихъ источникахъ, угадывались уже давно пророческимъ прозрѣніемъ Достоевскаго...

I

Легенда составляетъ какъ бы пояснительную вставку въ романъ, но такую, которая становится понятною только въ связи съ обстоятельствами, предшествовавшими ея произнесенію. Легенду рассказы-

ваетъ Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ. Братья сидятъ въ скверномъ трактирѣ и ведутъ разговоръ на высокія темы о разумѣ бытія и примиреніи въ немъ зла. Иванъ, умный, но изломанный уже, скептикъ, „заявляетъ“ бунтъ противъ Бога по поводу факта неискупленныхъ дѣтскихъ страданій. Этихъ страданій и слезъ дѣтскихъ онъ никакъ не можетъ примирить съ необходимостью полной гармоніи въ нравственномъ міропорядкѣ. Алеша безпокойному и бунтующему брату напоминаетъ То Существо, Которое кровью, пролитою на крестѣ, сгладило все противорѣчія жизни и Одно имѣетъ право простить *все и вся и за всѣхъ*. Тогда, желая спасти свою позицію, Иванъ и рассказываетъ свою поэму-легенду, и въ ней желаетъ дать Алешѣ отвѣтъ и вмѣстѣ возраженіе. Какъ возраженіе на слова Алеши, легенда слаба (такъ должно быть и по мысли Достоевскаго). Но какъ отвѣтъ, въ которомъ ярко изображена печальная историческая правда о поруганіи дѣла Христа на торжищѣ современной культуры, легенда есть единственный по цѣнности, классическій перлъ въ художественно-религіозной литературѣ всего міра,---вмѣстившій въ свои небольшія строки всю сложную психологію отреченія человѣка отъ Христа во имя соблазновъ земли....

Легенда переноситъ насъ въ средніе вѣка въ Испанію, когда въ самый разгаръ инквизиціи „во славу Божію“ ежедневно горѣли многочисленные костры съ еретикамп. Въ это время, склоняясь на мольбы грѣшнаго, но горячо любящаго Его человѣчества, вторично сходитъ на землю Христосъ. Онъ появляется въ Севильѣ. „Онъ появился тихо, незамѣтно, и

вотъ всѣ—странно это—(разсказываетъ Иванъ) узнаютъ Его... Народъ непобѣдимою силою стремится къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи свѣта Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила...

Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіютъ Ему: „осанна!“ „Это Онъ, это Самъ Онъ, повторяютъ всѣ, это должно быть Онъ, это никто, какъ Онъ“... Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда въ храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина“... По мольбѣ матери Христосъ воскрешаетъ дѣвочку... „Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ въ эту самую минуту вдругъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ, великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокій и прямой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но изъ которыхъ еще свѣтитъ, какъ огненная искра, блескъ... Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ, какъ поставили гробъ у ногъ Его, видѣлъ, какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдые густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ зловѣщимъ огнемъ. Онъ про-

стираетъ перстъ свой и велитъ стражамъ взять Его“. Толпа оставляетъ Его... Ночью въ тюрьму Святого Судилища, куда заключенъ Христосъ, приходитъ Великій Инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукахъ. „Онъ останавливается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается въ лицо Его; наконецъ тихо подходитъ, ставитъ свѣтильникъ на столъ и говоритъ Ему (приводимъ рѣчь его въ значительномъ сокращеніи):

„Это Ты?“ Ты? Но, не получая отвѣта, быстро прибавляетъ: не отвѣчай, молчи... Я слишкомъ знаю, что ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь прибавлять къ тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ же Ты пришелъ мѣшать намъ? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и Самъ это знаешь. Но знаешь ли, что будетъ завтра?... Завтра я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію, бросится подгребать къ Твоему костру угли, знаешь Ты это?...

„Тебя предупреждали, Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ предупрежденій, Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми“..

И затѣмъ тотчасъ же Инквизиторъ упрекаетъ Христа за то, что Онъ отвергъ искушенія, которыми соблазнялъ Его діаволъ въ пустынѣ, между тѣмъ какъ по словамъ Инквизитора, въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ (искушеній) заключалось громовое чудо, ибо „въ этихъ трехъ вопросахъ предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся все неразрѣшимыя

историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ... въ этихъ трехъ вопросахъ все до того угадано и предсказано, до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“.

„Рѣши же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ, хотъ и не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они (люди), въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго они боятся и страшатся... А видишь ли сіи камни въ этой нагой раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самого хлѣба земного и возстанетъ на Тебя Духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ“. А „на мѣстѣ храма Твоего воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня“. Христосъ проповѣдывалъ свободу человѣка, какъ высочайшій даръ, но, говоритъ Инквизиторъ, „нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается, но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть... Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода совѣсти, но нѣтъ

ничего и мучительнѣе“. А „Ты, продолжаетъ Инквизиторъ, Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей... Такимъ образомъ, Самъ Ты положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства... А между тѣмъ, то-ли предлагалось Тебѣ?“..

Діаволъ соблазнялъ Христа чудомъ, уговаривалъ Его броситься внизъ съ кровли храма; Христу, „искушая и дразня Его, кричали, когда Онъ висѣлъ на крестѣ: сойди со креста и мы увѣруемъ въ Тебя“, но Христосъ не внялъ этимъ соблазнамъ, потому что „не захотѣлъ опять поработить человѣка чудомъ и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной“. Но и тутъ Онъ судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они (люди) невольники“. „Мы, объясняетъ Инквизиторъ, мы исправили подвигъ Твой и основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ... Къ чему же теперь Ты пришелъ намъ мѣшать?“.

—И что-Ты, раздражается Инквизиторъ, молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя... И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: мы не съ Тобой, а съ *ними*, вотъ наша тайна!“.

—Мы взяли отъ него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ все царства земли.. Мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря... Мы будемъ кесарями и ужъ тогда помыслимъ о всемірномъ счастьи людей... Мы взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя и пошли за *ними*...

— Ты гордишься Твоими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ... Мы дадимъ (людямъ) тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы; мы докажемъ имъ, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго... Они будутъ ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы могучи и умны; они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣсенкѣ...

— „Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ же счастья будемъ манить ихъ наградою небесной и вѣчною“...

„То, что я говорю, заканчиваетъ свою рѣчь Инквизиторъ, сбудется, и царство наше созиждется... А Тебя за то, что Ты пришелъ намъ мѣшать, я завтра сожгу. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты: завтра сожгу Тебя. Dixi“...

Когда Инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ, какъ Узникъ все время слушалъ его, проникновенно и тихо смотря ему въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старику хотѣлось бы, чтобы тотъ сказалъ что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Старики вздраги-

ваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ тубъ его: онъ идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! И выпускаетъ Его на „темныя стогна града“. Плѣнникъ уходитъ. Поцѣлуй горитъ въ сердцѣ старика, но старикъ остается въ прежней идеѣ“...

II

Какъ видите, это цѣлая философія христіанской исторіи. Въ легендѣ выдвинута широкая и сложная тема: противопоставлены два міровоззрѣнія и жизнепониманія: Евангельское христіанское и антихристіанское человѣческое: Христосъ поставленъ рядомъ и лицомъ къ лицу съ Великимъ Инквизиторомъ. Нельзя думать, что легенда есть только религіозно-историческій комментарий къ громадной неправдѣ, лежащей въ основаніи католической вѣроисповѣдной доктрины именно — къ римско-католическому ученію о папскомъ абсолютизмѣ. Конечно, легенда чрезвычайно выпукло выдвигаетъ между прочимъ и этотъ моментъ, но замыселъ ея несравненно шире этой рамы, такъ, какъ несравненно широка и тема разговора Ивана и Алеши, давшая начало легендѣ. И Инквизиторъ отнюдь не есть только представитель католическихъ заблужденій. Для этого онъ слишкомъ очевидный атеистъ. Алеша прямо это утверждаетъ: „Инквизиторъ твой, восклицаетъ онъ, обращаясь къ Ивану, въ Бога не вѣруетъ, вотъ и весь его секретъ“. „Наконецъ-то ты догадался“, соглашается и Иванъ... Да, онъ могъ явиться, какъ естественное порожденіе католичества, запутавшагося въ противорѣчіяхъ между началами христіанскаго ученія и практикой грѣшной воли, взявшей рѣзкій уклонъ въ сторону земныхъ, через-

чуръ вещественныхъ интересовъ (папское всевластіе). Но, по замыслу легенды, въ собственномъ смыслѣ роднымъ отцомъ Великаго Инквизитора былъ и есть тотъ мрачный *Духъ земли*, который держитъ въ плѣну громадную массу религіозно слабо воспитанныхъ натуръ и отрываетъ ихъ отъ живого соприкосновенія съ христіанствомъ. А самый монологъ Инквизитора — не только обвинительный актъ противъ католичества, но, какъ мнѣ кажется, въ большей степени своеобразное судебное преніе между христіанствомъ и силою антихристіанскихъ доктринъ; между пониманіемъ идеала жизни, какъ онъ изображенъ въ Евангеліи и тѣмъ, какъ онъ созданъ философіей безрелигіозной культуры. Это давнишній разговоръ на тему: нельзя ли найти христіанству подходящій эквивалентъ, нѣчто равносильное по значенію для жизни, но — безъ всякаго отношенія и обращенія къ метафизикѣ и мистикѣ, т. е. попросту говоря: нельзя ли устроиться благополучно и счастливо на землѣ безъ Бога?

Легенда ставитъ этотъ вопросъ съ подчеркнутою силою и съ ⁶⁴²неменьшею силою отвѣчаетъ на него: нѣтъ, нельзя. При чемъ умная по замыслу легенда драгоцѣнна именно потому, что положительное рѣшеніе *въ пользу* христіанства проведено въ ней по линіямъ, глубоко соприкосновеннымъ и въ тоже время рѣзко и принципиально отмежовывающимъ христіанство отъ безрелигіознаго жизнепониманія. Отвѣтъ данъ не прямо, — такъ, что его нужно извлекать изъ мрачно-напряженныхъ словъ Инквизитора. Христосъ въ легендѣ молчитъ. Говоритъ только Инквизиторъ. Но то, что онъ говоритъ, въ складкахъ обличительной рѣчи таитъ прямое признаніе истины того, что она опро-

вергаетъ, на что нападаетъ... Вся рѣчь построена на мотивъ „распи Его“, но когда вы вслушиваетесь въ построение ея, вы отчетливо чувствуете, что въ ней поется „осанна“ Христу.

Съ одной стороны вы наглядно видите, слушая Инквизитора, что онъ, выступая противъ Христа, дѣйствуетъ во имя человѣка и его счастья, какъ задушевный и сострадательный другъ людей. Въ отдѣльных случаяхъ вы чувствуете, что онъ какъ будто неопровержимо правъ, что рѣчь его звучитъ неподдѣльною искренностью и подкупающею убѣжденностью. Ни тѣни шаржа, ни одной черты рискованной утрировки... Инквизиторъ, если хотите, другъ Христа, крайней мѣрѣ былъ имъ когда-то: онъ нѣкогда принялъ Его подвигъ, былъ въ пустынѣ, питался акридами и кореньями, готовился стать въ число избранныхъ; стоялъ за свободу человѣка, возвѣщенную Христомъ. Но онъ скоро понялъ, что это не его дорога, что его дорога—мимо Христа и противъ Христа. Теперь онъ, — о, теперь онъ совсѣмъ не то. Онъ свою позицію прекрасно выяснилъ: *знай, что мы не съ Тобой...*

Съ другой стороны, въ этихъ изломахъ больной души Инквизитора вы сразу же улавливаете какую-то мертвую точку, около которой безпомощно блещетъ зачухавшаяся въ противорѣчяхъ мысль судьи Христа и предъ которой она поникаетъ въ полномъ крушеніи... Вы чувствуете, что его настроеніе: то подчасъ глубокая грусть, то гнѣвные выпышки противъ Христа, то состраданіе къ людямъ, то великое презрѣніе къ безтоlikовой, тупой и жалкой толпѣ—все это повергаетъ его въ бездну внутреннихъ противорѣчій и отнимаетъ увѣренность въ собственной, основательно, казалось бы, продуманной правдѣ...